ДОМЪ

СУМАСШЕДШИХЪ.

САТИРА

А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

БЕРЛИНЪ 1858.

FERDINAND SCHNEIDER.

LENNÉ STRASSE 3.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ.

САТИРА

А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

БЕРЛИНЪ 1858.

FERDINAND SCHNEIDER.

LENNÉ-STRASSE, 3.

Отъ издателя.

А. Ѳ. Воейковъ, переводчикъ Садовъ Делиля и авторъ многихъ полемическихъ статей, особенно извѣстенъ остроумной сатирой „Домъ Сумасшедшихъ“. Это стихотвореніе, полное мѣткихъ и характеристическихъ насмѣшекъ надъ писателями того времени, разошлось по всей Россіи во множествѣ списковъ, какъ комедія Грибоѣдова. Изданіе этого замѣчательнаго памятника въ настоящее время не можетъ никого обидѣть, а между тѣмъ оно необходимо для исторіи русской литературы.

Домъ сумасшедшихъ.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Вечеромъ, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,

И твоихъ, о Мерзляковъ!
Изъ Омира по-сю-пору
Недописанныхъ стиховъ.

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
И въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.
Отъ любви сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,
О Каверинъ![1]) долгъ романамъ
Былъ тобою заплаченъ;
Но сказавъ: прости! обманамъ,

---

1) Тотъ самый, къ которому писалъ посланіе Пушкинъ.

Ты давно ужъ сталъ уменъ.
Карамзинъ, Титъ-ливій русскій,
Ты какъ Шаликовъ стоналъ,
Щеголялъ, какъ шутъ французскій...
Ахъ! кто молодъ не бывалъ!

Я и самъ... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннехонько вхожу.
„Берегитесь, здѣсь Магницкій!“ 2)
Насъ вожатый упредилъ:
„Онъ укуситъ васъ, — не близко!“
Я съ боязнью отступилъ.

Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ,
Просьбица о пансіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,

---

2) Бывшій попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа.

Дачъ, земель, лѣсовъ казенныхъ,
И записка о долгахъ.
Въ размышленьяхъ, столь духовныхъ,
Исливалъ онъ ядъ въ словахъ:

„Горе! Добрый царь на тронѣ,
„Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ;
„Ахъ! зачѣмъ не при Неронѣ
„Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?
„Благотворный бы представилъ
„Инквизиціи проэктъ:
„Въ маслѣ бы варить заставилъ
„Философовъ разныхъ сектъ.

„Заподжаривъ, такъ и съѣлъ бы
„И роднаго я отца.
„Что дадите? я поддѣлъ бы
„И небеснаго Творца.
„Я за орденъ — христіанинъ,
„Я за землю — мартинистъ,
„Я за деньги — мусульманинъ,
„За аренду — атеистъ!

„Я какъ дьяволъ ненавижу
„Бога, ближнихъ и царя,
„Зло имъ дѣлать сплю и вижу
„Въ честь христова олтаря.“

Други, признаюсь, изъ кельи,
Уши я зажавъ, бѣжалъ.
Рядомъ съ нимъ на новосельи
Руничъ[3]) бѣгло бормоталъ:
„Вижу бѣсовъ предъ собою,
„Отъ ученья сгибнулъ свѣтъ.
„Этой тьмы — Ньютонъ виною
„И безбожникъ Боссюэтъ.

„Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
„Галлеръ сердце обольстилъ,
„Кантомъ бредятъ даже дѣти,
„Деннеръ нравы развратилъ!“
Полнъ неистовой отваги,
Доморощенный Омаръ,

---

3) Бывшій ректоръ Петербургскаго Университета.

Книги дралъ, бросалъ бумаги
Въ печку, на пылавшій жаръ.

Кто скелетъ сей исхудавшій
Изъ чулана кажетъ носъ?
То за бредни пострадавшій
Нашъ Поповъ[4]) . . . Чу, вздоръ понесъ:
Хочетъ мельницу построить,
Пушку слить, палаты складь,
Силу пороха удвоить,
Отъ громовъ храмъ божій спасть,
Справить сломанную ногу,
Съ глазъ слѣпаго бѣльмы снять.

„Не учись, — молися Богу —
„И пошлетъ онъ благодать!
„Смирненькой своей овечкѣ
„Ниспошлетъ чертежъ, размѣръ,

---

4) Поповъ, бывшій директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, сосланъ въ Казань за участіе въ сектѣ 1838 года.

„Пробу пороха въ мѣшечкѣ.
„Благодати я примѣръ!
„Хоть безъ книжнаго ученья,
„И Псалтирь одну читалъ,
„Я директоръ просвѣщенья
„И съ звѣздою генералъ!"
Слыша рѣчь сію невѣжды,
Сумазброда я жалѣлъ —
И малѣйшія надежды
Къ исцѣленью не имѣлъ.

Нашъ Кавелинъ[5]) недалеко
Тамъ въ чуланѣ засѣдалъ,
И, горѣ воздѣвши око,
Исповѣдь свою читалъ:
„Какъ! меня лишать свободы
„И сажать въ безумный домъ?
„Я подлецъ ужь отъ природы,
„Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ.
„И Магницкій вѣчно мною,

5) Кавелинъ — бывшій директоръ Благороднаго Пансіона при Педагогическомъ Институтѣ при А. Н. Голицынѣ.

„Какъ тряпицей черной третъ,
„Какъ кривою кочергою
„Загребаетъ или бьетъ."

Ба! зачѣмъ здѣсь князь Ширинскій? [6])
Какъ палачъ умовъ здѣсь тихъ!
Это что? . . . уставъ алжирскій
О печатаніи книгъ . . .
Вкругъ него кнуты, батоги
И Красовскій [7]) . . . ноздри рвать!
Я скорѣй-давай Богъ ноги, —
Здѣсь не мѣсто разсуждать.

Вотъ Перовскій . . . безпрестанно
Онъ коверкаетъ лицо
Кошкой, волкомъ, обезьяной,
То свернется весь въ кольцо,
То у сильныхъ ноги лижетъ,

---

6) Князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ, братъ бывшаго министра.

7) Д. Ст. Сов. А. И. Красовскій, Председатель Комитета Иностранной Цензуры.

То безсильныхъ гонитъ вонъ,
То гроши на нитку нижетъ,
То брянчитъ на счетахъ онъ.

Я дрожащими шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко: „Сей отдѣлъ
„Прозаистамъ и поэтамъ,
„Журналистамъ, авторамъ;
„Не по чину, не по лѣтамъ,
„Здѣсь мѣста по нумерамъ.“

Двери настежъ надзиратель
Отворя мнѣ, говоритъ:
„N 1й — вашъ пріятель
Каченовскій[8]) здѣсь сидитъ . .;
Букву э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:

8) М. Т. Каченовскій, профессоръ Московскаго Университета, издатель Вѣстника Европы.

По крюкамъ стихи поетъ,
То кавыки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ,
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,
И съ восторгомъ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
„Соръ славянскій, пыль родная!
„Слаще ты, чѣмъ медъ и сотъ!“

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненый, въ вѣночкѣ,
Въ ярко бланжевыхъ чулкахъ.
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ,
И мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

№ 3й — на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ,
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ

Не закупоренъ стоитъ;
Книга Кормчая отверста,
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:
„О Расинъ! откуда слава?
„Я тебя, дружокъ, поймалъ:
„Изъ россійскаго Стоглава
„Ты Гофолію укралъ!
„Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
„Выраженій красота
„Въ Андромахѣ — подражанье
„Погребенію кота!

Ты-ль Хвостовъ? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я. Тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ — не сумасшедшій,
Тебѣ не съ чего сходить.
„Я достоинъ быть повѣшенъ“,
Онъ въ слезахъ мнѣ говоритъ:
„Каюся! я много грѣшенъ,
„Ахъ! и я... и я піитъ!

„Въ Буало я смыслъ добавилъ,
„Лафонтена я убилъ
„И Расина обезглавилъ“...
Быстро онъ проговорилъ,
И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.

Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ, —
Буквъ славянскихъ красоту, —
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую ѳиту.
И на утвари повсюду
Коронованныя кси,
Старовѣрскихъ книжекъ груду
И въ окладѣ иксъ и пси,
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный —
И узналъ, что тутъ Шишковъ.

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
„Се, се Россы! се самъ Петръ,
„Се, со всѣхъ сторонъ зіяетъ
„Молнія изъ тучныхъ нѣдръ;
„И чрезъ Ворсклу при препавѣ,
„Градовъ на сушѣ Творецъ,
„Съ дерзостью пошелъ ко славѣ,
„И поэмы сей конецъ!“

Вотъ Жуковскій; въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ.
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.

Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ;
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

Вотъ Станевичъ[9]). Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
„Міръ! потомство! за меня
„Злому критику отмстите;
„Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
„Монументъ соорудите, —
„Я великъ, великъ, великъ!

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ сидитъ,
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:

9) Переводчикъ описательныхъ поэмъ и разныхъ лирическихъ французскихъ стихотвореній. Принадлежалъ къ школѣ Шишкова.

„Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
„Но спустись на дно — ужасный
„Крокодилъ на днѣ сидитъ!“

Вотъ Грузинцевъ: онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ какъ царь,
Гордъ, въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
— Вѣрно ваше сочиненье?
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
— Нѣтъ, Софоклово творенье!,
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

Вотъ Измайловъ — авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: „Я согласенъ,
„Я писатель не для дамъ;
„Мой предметъ — носы съ прыщами;
„Ходимъ съ музою въ трактиръ
„Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
„Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!“

Какъ, и ты безсмертнымъ тщишься,
Червяковъ, отецъ червей! —
Я сказалъ, — и ты стремишься
Къ славѣ изъ норы своей?...
„Дворъ читалъ мои творенья, —
Прервалъ онъ — и Государь
Долженъ въ знакъ благоволенья“...
— Стой, дружекъ! нашъ добрый Царь
Дѣлъ безъ насъ имѣетъ кучу:
То смиряетъ смутный міръ,
Отъ царей отводитъ тучу,
То даетъ сосѣдямъ пиръ,
То съ вельможами хлопочетъ,
То ссылаетъ въ ссылку зло; —
А тебя и знать не хочетъ.
Посиди — тебѣ тепло!

— Вотъ еще! сказали мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ[10])
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:

10) Мак. Ил. Невзоровъ издавалъ журугналъ Дръ Юношества.

„Слогъ мой сладокъ, какъ микстура
„Мысли громки — безъ ума,
„Толстая моя фигура
„Такъ пріятна, какъ чума.
„Еслибъ такъ какъ на Вольтера,
„Былъ на мой журналъ расходъ,
„Пострадала бъ горько вѣра;
„Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!
„Я въ твореніяхъ священныхъ
„И въ большихъ пяти частяхъ
„Книжекъ, мною сочиненныхъ,
„Доказалъ, что я дуракъ!“

Вотъ чужихъ статей писатель
И маляръ чужихъ картинъ,
Книгъ безграмотный издатель,
Сѣверный орелъ Свиньинъ!
Онъ фальшивою монетой
Цѣлый вѣкъ перебивалъ,
И оплеванный всѣмъ свѣтомъ
На цѣпи пріютъ сыскалъ.

Вотъ въ передней рабъ писатель,
Карамзинъ Хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель . . .
Взглянемъ, что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ!

Вотъ и Гр . . ь — нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лоскутьевъ сшитъ,
Онъ цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжной жидъ;
Вспоминая о прошедшемъ,
Я дивился одному:
Почему онъ въ сумасшедшемъ,
Не въ смирительномъ дому?

Тутъ кто? — Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ,
То Б . . . . . нъ забіяка.
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ,

Съ саблей въ петлѣ... а французскій
Крестъ ужель надѣть забылъ?...
Вѣдь его онъ кровью русской
И предательствомъ купилъ!
Что-жъ онъ дѣлаетъ здѣсь? — лаетъ,
Брыжжетъ пѣна изъ брылей,
Мечется, рычитъ, кусаетъ
И домашнихъ и друзей.
Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
Совѣсть умъ свихнула въ немъ:
Все боится быть повѣшенъ,
Или высѣченъ кнутомъ!

Что тутъ за щенокъ у входа
Весь дрожитъ, поджавши хвостъ?
Какъ безжалостно природа
Окарнала его ростъ!
Какъ портными окороченъ
Фракъ единственный на немъ!
Трусъ! какъ прячетъ отъ пощечинъ
Худощавой ликъ свой онъ!
Луковка торчитъ въ карманѣ,

Оттопырясь, какъ часы,
Стекла битыя въ карманѣ
И обгрызокъ колбасы.
Кто-жъ изъ пишущихъ героевъ
Могъ такимъ быть мозглякомъ?
То лысъ-бѣсъ Владимiръ С....въ,
Греча лѣвый глазъ съ бѣльмомъ.

Вотъ Козловъ; его смѣшнѣе
Дурака я не видалъ:
Модный фракъ, жабо на шеѣ,
Будто только отплясалъ
Котильонъ нашъ франтъ убогiй.
Онъ къ себѣ питая страсть,
Мѣтитъ прямо въ полубоги
Или въ Пушкины попасть.
И, представьте, онъ увѣренъ,
Что съ Жуковскимъ равенъ онъ.
Низокъ, пустъ, высокомѣренъ
И въ стихи свои влюбленъ.
Принужденными займами
У графинь, княгинь, друзей

Сытъ и пышенъ... Вотъ съ стихами
Шлетъ отъ къ Смирдину скорѣй,
Чтобъ купилъ онъ подороже;
Продалъ — деньги получилъ, —
Всѣ расплаты ждутъ, и что же?
Онъ въ Ломбардъ ихъ положилъ,
Дочери... Плохое средство,
Недостойное пѣвца:
Дѣтямъ лучшее наслѣдство
Имя честное отца.
„Допущу къ своей персонѣ,
„Осчастливлю васъ, прочтя
„Мои стансы о Байронѣ.
„Что поэтъ великій я —
„И Жуковскій въ томъ согласенъ
„И мадамъ Лаваль сама!“
Какъ онъ жалокъ, какъ несчастенъ!
Слѣпъ, безъ ногъ и безъ ума!

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой
Безпорочный и безчинный...

Сталось что съ его башкой?
Спѣсь съ корыстью въ ней столкнулись,
И отъ натиска того
Вверхъ ногами повернулись
Умъ и сердце у него!
Самохвалъ, завистникъ жалкій,
Надувало ремесломъ,
Битый рюриковой палкой
И санскритскимъ батожьемъ.
Подлъ какъ рабъ, надутъ какъ баринъ,
Онъ, чтобъ разомъ кончить рѣчь,
Благороденъ, какъ Б.......нъ,
Безкорыстенъ такъ, какъ Г...ь!

Вотъ С........й — сей и оный,
Гадокъ, страшенъ, черенъ, рябъ,
Онъ полякъ низкопоклонный,
Денегъ, знати, власти рабъ.
Полеваго самохвальство
И Булгарина задоръ
И Бѣлинскаго нахальство
Совмѣстилъ себѣ въ позоръ!

Что съ нимъ долго тарабарить!
Вѣдь натура въ немъ не та:
Лучше просто пріударить
Полячишку въ три кнута.

Вотъ, кадетомъ заклейменный,
Меценатъ, Карлгофъ поэтъ,
Въ общемъ мнѣньи зачерненный
И Булгарина клевретъ!
Худъ, мизеренъ, сплюснутъ съ вида,
Сухощавъ душой своей,
Отвратительная гнида
Съ аполлоновыхъ м....!

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иваныч Осударь,[11])
Академіи Россейской
Непремѣнный Секретарь;
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;

11) П. И. Соколовъ, непремѣнный Секретарь бывшей Россійской Академіи. „Осударь“ — это его поговорка.

Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.
На дворѣ Академіи
Грядъ капусты накопалъ;
Не пріютъ пѣвцамъ Россіи,
А лабазъ для дегтю склалъ.
Въ Академіяхъ бываютъ
Дураки, бывали встарь, —
Въ нашей двое засѣдаютъ
Президентъ и Секретарь.

Вотъ Шишкова . . . кто не слышалъ
Въ женской юбкѣ гренадеръ,
За нее-то замужъ вышелъ
Нашъ столѣтній староверъ!
На старушкѣ токъ атласный;
Въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ,
Въ желтомъ платьѣ, поясъ красный,
И въ пунцовыхъ башмакахъ!
Причтъ поповъ и полкъ гусаровъ,
Князь Кутузовъ, князь Рѣпнинъ,
Битый Корсаковъ, Кайсаровъ

И Огаркинъ и Свѣчинъ —
Къ ней валитесь хлюстомъ: сердце
Преширокое у ней,
Да и въ старикѣ-младенцѣ
Кладъ, не мужъ попался ей.

Вотъ Темира[12]) . . . вкругъ разбросанъ
Перьевъ пукъ, тряпицъ, газетъ,
Ангелъ дьяволомъ причесанъ
И чертовкою одѣтъ.
Карлица и великанша,
Смѣсь съ юродствомъ красоты,
По талантамъ - генеральша,
По причудамъ прачка ты! ,

Вотъ картежница Хв . . . . ва
'И табашница къ тому жъ.
Кто пошлѣй одинъ другаго,
Гаже кто — жена иль мужъ?
Оба притча во языцѣхъ:

---

12) Ю. Вейдемейеръ.

Онъ подъ масть ей угодилъ,
Кралю трефовую въ лицахъ
Козырной валетъ прикрылъ!

Отъ досады и отъ смѣха
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ,
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
„Рады вы или не рады,
Но указъ ужъ полученъ,
Вамъ отсель нельзя ни пяди!“
И указъ тотчасъ прочтенъ:
„Тотъ Воейковъ, что бранился,
Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
Что съ Булгаринымъ возился
И себя тѣмъ замаралъ,
Тотъ Воейковъ, что Делиля
Такъ безбожно исказилъ,
Запятнать хотѣлъ „Эмиля“
И Виргилію грозилъ, —
Долженъ быть какъ сумасбродный

Въ цѣпь посаженъ, въ жолтый домъ;
Голову обрить сего-дня,
И тереть почаще льдомъ!“

Прочитавъ; я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись, не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ...
Други! къ вамъ я за совѣтомъ!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не быть поэтомъ!
А писать начать боюсь!

Печатано въ Типографіи **К. Шультце** въ Берлинѣ,
Neue Frieerichsstrasse 47.